

ПУБЛИКАЦИИ

МЕМУАРЫ О ПЕТРАШЕВЦАХ (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. Э. ЦИММЕРМАНА) *

При довольно скудном числе воспоминаний петрашевцев и о них самих фактически не были введены в научный оборот мемуары А. Э. Циммермана.¹ Единственная глухая ссылка на них содержится в книге В. Р. Лейкиной-Свирской, в главе, посвященной расправе над петрашевцами: «Густая толпа офицеров и военного начальства собралась на плацу (...) Один из этих офицеров, А. Э. Циммерман, в своих воспоминаниях подробно описал казнь петрашевцев. Мы используем эти неизданные воспоминания».² Далее пересказываются некоторые эпизоды (подробности шествия на эшафот; поведение петрашевцев, привязанных к столбам и т. д.)

На самом деле воспоминания Циммермана являются одним из самых ярких и подробных из известных нам описаний казни петрашевцев: с ними могут соперничать лишь воспоминания Д. Д. Ахшарумова, к тому же целый ряд важных моментов (особенно — характеристика вельмож, руководивших обрядом наказания, описание палачей и т. д.) отсутствует в других источниках. Некоторые неясные детали из других воспоминаний получают здесь разъяснение. Например, Н. С. Кашкин, ссылаясь на молву, приводил такой эпизод с отправкой Петрашевского в Сибирь прямо с Семеновского плаца, с места казни: «Рассказывали, что, когда его везли, кто-то из толпы, стоявшей позади войск, снял с себя шубу и бросил ему в сани».³ Циммерман дает более ясную и более реалистическую трактовку этого эпизода.

«Военный суд приговорил их к смертной казни, но государь смягчил приговор и определил более виновных сослать на каторжную работу, а других — в арестантские роты. 20 декабря вечером приходит ко мне мой школьный товарищ Нордштейн (Ростислав)⁴ и говорит с ужасом, что на Семеновском плацу строят эшафот и на другой день будет там экзекуция; слышно, толковал он, что их казнить не будут, а впрочем кто знает. Нордштейн очень трусил и был бледен. Незадолго до того он стал подозревать, что знакомый наш Пашенко⁵ служит в тайной полиции, следил за ним и однажды поздно вечером видел, как Пашенко входил

* Публикация и комментарий Б. Ф. Егорова.

в третье отделение. Пащенко, по словам Нордштейна, приглашал и его познакомиться с социалистами, и он едва не попался.

21 декабря ⁶ рано утром отправился я с Нордштейном на Семёновский плац. Рассветало, наступал пасмурный день, мороз был невелик, на улицах мало видно народу. Подъехав к плацу, встретили мы батальон лейб-Егерского полка, шедший туда. На обширном поле, покрытом снегом, вдали чернелась толпа и были видны подмостки. Вылезши из саней, мы отправились пешком, увязая в глубоком снегу. Отсюда собирался народ; но его далеко не пускали. Полицейские солдаты оцепили с трех сторон большое пространство, среди которого возвышался эшафот. Около него стояли в нескольких группах офицеры, большею частью от тех войск, которые были наряжены на церемонию. Нордштейн остался в толпе, я прошел далее к эшафоту; он состоял из квадратной эстрады, вышиной от земли в полтора аршина, с перилами; с одной стороны была приделана лестница из 5 или 6 ступеней; все наскоро сколочено из досок. Около лестницы лежало девять шпаг, которые должно было сломать над головами осужденных на каторгу. Шпаги были подпилены, чтобы удобнее переломить их. Недалеко от эшафота разложен огонек, около которого грелись два палача, один из них имел типическую наружность русского палача, коренастый, жилистый мужик среднего роста, с огромным красным носом, большими зверскими глазами и черной бородой; другой, его помощник, ледящий мужиченко с желтоватым лицом с плутовским выражением.

Войска входили и становились развернутым фронтом с трех сторон на значительное расстояние от эшафота; тут было, сколько мне помнится, три батальона от Московского и л(ейб)-Егерского и команда от Конно-Гренадерского полков (так как Момбелли, Львов и Григорьев принадлежали к этим частям). Толпа офицеров сгущалась. Вдали показалась группа всадников: „Наследник, наследник“, — раздались голоса среди офицеров, но один старый штаб-офицер возразил: „Стыдно, господа, какой наследник, разве Его Высочество может приехать на подобную церемонию; это Сумароков“ (генерал-адъютант, командовавший в то время гвардейской пехотой). ⁷ Он объехал ряды, поздоровался с людьми и остался верхом; во все время исполнения приговора он не слезал с лошади. Прибыли первый комендант барон Зальца ⁸ и встарой комендант Греч ⁹ (Павел Иванович, брат Николая Ивановича).

Вдруг в толпе офицеров сделалось движение: везут! везут! — заговорили все. Влево от эшафота за фронтом показались извозничьи кареты, в которых привезли осужденных, по два в каждой карете, с конвоем жандармов. Осужденных высадили из карет. Священник из Петропавловского собора в крепости, в траурном облачении стоявший около эшафота, пошел к ним навстречу. Осужденных повели вдоль рядов войска, впереди шел священник с аудитором, за ним осужденные; около каждого по обеим сторонам было по инвалидному солдату. Обойдя войска, процессия вступила на эшафот; кроме осужденных на эшафоте стояли оба коменданта,

священник, аудитор, и у самой лестницы два палача. Войскам скомандовали на караул, осужденным велели снять шапки, аудитор стал читать приговор, осуждавший на смертную казнь; перед каждым батальоном приговор читал адъютант. Приговор был длинный, его читали минут 10 или более, в нем исчислялись вины осужденных, замысел их ниспровергнуть государственное устройство России, их сборища и суждения; тут между прочим упоминались имена Прудона, Консидерана и Пьера Леру, словно эти французские экономисты были привлечены к этому делу и также судились заочно; редакция приговора была не очень искусна.

В это время пошел снег; я смотрел на Спешнева, высокого и красивого молодого человека, снежинки падали на его длинные волосы и ильковую шубу. По прочтении приговора аудитор сошел с эшафота и на его место стал священник с крестом в руках и произнес короткое увещание, он бормотал, что осужденные должны покаяться в грехах и пр. Офицеры, стоявшие около самого эшафота, шептали осужденным, что казни не будет, а только обряд один исполнят. Окончив увещание, священник понес крест к осужденным, чтобы они к нему приложились; он подошел сперва к Петрашевскому, стоявшему крайним слева от входа. Общее внимание устремилось на Петрашевского, полагали, что он не поцелует креста; но он приложился спокойно, без гримас, а за ним все остальные, к которым священник подходил по очереди. После того он сошел с эшафота, и на осужденных стали надевать длинные белые рубахи и белые колпаки. Затем два палача взяли Петрашевского под руки и свели его с эшафота, за ним инвалидные солдаты повели Момбелли и Григорьева. Шагах в 30 от эшафота были вкопаны три деревянных столба, к ним привязали троих осужденных и насунили им на глаза колпаки; руки у них не были связаны. Перед каждым из привязанных к столбам поставлено было по 15 рядовых с унтер-офицером, перед Момбелли и Григорьевым от их полков (Московского и Конно-Гренадерского), а перед Петрашевским от л(ейб)-Егерского.

Скомандовали: товсь, кладсь! Люди приложились; ружья не были заряжены. Я смотрел на осужденных: Григорьев вытащил руку из-под савана и стал поспешно креститься, Петрашевский выставил ногу вперед и принял трагическую позу, Момбелли вытащил из кармана перчатки, надел их и скрестил руки; оглянувшись назад, я увидел осужденных в белых рубашках, столпившихся на эшафоте у лестницы; на бледных лицах их выразилось тревожное ожидание. Несколько секунд продолжалось молчание, вдруг комендант закричал: *отставь!* Люди опустили ружья, плац-адъютанты бросились со всех ног к осужденным, сняли с них колпаки и отвязали от столбов. Между осужденными на эшафоте послышалось радостное жужжание. Петрашевского, Момбелли и Григорьева опять ввели на эшафот; первые два шли равнодушно, Григорьев был заметно рад. Опять стал аудитор на прежнее место и прочел помилование. Несколько голосов из среды осужденных закричали: да здравствует государь!¹⁰ Это книжное восклицание

показалось как-то странным. Затем сняли с осужденных белые рубашки и велели стать на колени. Старший из палачей взял шпагу и подскочил с зверской ухваткой к Петрашевскому, положил ему шпагу на голову и переломил, тот сделал гримасу, вероятно, почувствовал боль. Комендант барон Зальца закричал на палача: „Тихе, мерзавец!“ Остальным восьми осужденным ломали шпаги уже не кладя на голову. После того стали одевать их в арестантское платье, а Петрашевского заковали тут же на эшафоте в ножные кандалы; он сидел и сам помогал кузнецу. К эшафоту подъехала тройка с фельдъегерем, который должен был везти его в Сибирь. Петрашевского свели с эшафота и посадили в сани; фельдъегерь был пьян и говорил с офицерами; инвалидные солдаты подошли к нему и подали шубу Петрашевского, снятую с него на эшафоте; „Не нужно“, — сказал фельдъегерь. Я отвел его на шаг в сторону и сказал тихо: „Возьмите шубу, а то еще пожалуй заморозите преступника, будете отвечать“. Фельдъегерь смотрел на меня посоловевшими глазами и пробормотал: „Да, правда“. Я бросил шубу в сани на ноги Петрашевскому, который, казалось мне, ничего не видел и не слышал. Ямщик махнул кнутом, и сани тронулись.

Я вернулся к эшафоту и увидел, что Момбелли, надевая на себя арестантский кафтан, глядел по сторонам; он заметил в толпе, стоявшей у самых перил, знакомого ему молоденького офицера и подал ему руку, сказав: „Здравствуйте, что ваших — много здесь, холодно“. Офицерик сконфузился, покраснел и не отвечал. Момбелли посмотрел на него спокойно и потом повернулся. Осужденных сводили по одному с эшафота и сажали в карету, чтобы везти обратно в крепость. Последним сошел мещанин Шапошников, он пробирался боязливо, как будто конфузясь, что попал не в свою компанию, между господами. Адъютант наследника, Паткуль,¹¹ бывший тут, вел себя чрезвычайно неприлично. Он приехал к концу, вместе с Эртелем,¹² петербургским брантмайором, известным тогда своей жестокостью; Паткуль громко говорил, так что осужденные могли слышать, что с ними поступили очень слабо, что следовало приказать солдатам вынуть шомполы и загнать их на смерть сквозь строй шомполами. Паткуль забывал, что его собственная фамилия обязана возвышением своим политическому эшафоту их предка, который во всяком случае был изменник своему государю Карлу XII.¹³

Набоков,¹⁴ бывший в то время комендантом крепости, обходился очень человеколюбиво с осужденными. В этот день утром, перед тем, что их везти на Семеновский плац, Набоков велел их напоить чаем. „Надо подкрепить их силы, — сказал старик, — им предстоит тяжелое испытание“».

¹ Аполлон Эрнестович Циммерман (1825—1884) — сын обрусевшего немца из Лифляндии, дальний родственник Барклая де Толли, потомственный военный, окончил Академию Генерального штаба, в 1849 г. он был капитаном Генерального штаба и отличался вольнодумством (под влиянием революции 1848 г. сочинил фантастические рассказы о воскресших декабристах, о восстании праведников

в раю и грешников в аду, свергнувших власть Бога и Сатаны и установивших республику и т. п.).

В кружках петрашевцев он, однако, не участвовал, поэтому к следствию не привлекался даже как свидетель. Впоследствии Циммерман стал видным военачальником (дослужился до высшего перед фельдмаршалом чина генерала-от-инфантерии, в турецкую войну 1877—1878 гг. командовал корпусом). Обширные и подробнейшие «Воспоминания» написаны им в 1860-х гг. (доведены до Крымской войны, до 1855 г.) и служат ценным, но, к сожалению, почти не использованным в научной литературе источником для изучения русской военной среды и гражданского высшего общества периода Николаевского царствования.

Хранятся они в Отделе рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина (ф. 325, картон 1, ед. хр. 1—3). Публикуемый отрывок извлечен из 2-й части «Воспоминаний» (ед. хр. 2, л. 160 об.—164).

² *Лейкина-Саврская В. Р.* Петрашевцы. М., 1965, с. 146. Отметим неточность: из контекста ссылки можно подумать, что Циммерман присутствовал на плацу как участник, «начальник», один из устроителей казни. Между тем он пришел как частное лицо и лишь благодаря офицерскому мундиру смог пройти сквозь оцепление и приблизиться к эшафоту.

³ Первые русские социалисты. Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. Л., 1984, с. 324.

⁴ Нордштейн Ростислав — однокашник Циммермана по пансиону Чермака, служащий петербургского губ. правления.

⁵ Пащенко Константин Семенович — надворный советник, служащий департамента горных и соляных дел Министерства финансов.

⁶ Ошибка: обряд казни петрашевцев состоялся 22 декабря 1849 г.; возможно, в связи с этим, что предыдущая дата (прихода вечером Р. Нордштейна) тоже ошибочна, ее нужно исправить на 21 декабря.

⁷ Сумароков Сергей Павлович, граф (1793—1875) — генерал-адъютант, генерал-лейтенант, командующий гвардейской пехотой.

⁸ Зальца Владимир Иванович, барон (ум. 1873) — генерал-майор, петербургский комендант.

⁹ Греч Павел Иванович (1797—1850) — генерал-майор, 2-й петербургский комендант.

¹⁰ По имеющимся сведениям, эту реплику произнес лишь один осужденный петрашвец — А. И. Пальм (он получил наименьшее наказание — перевод тем же чином из гвардии в армию).

¹¹ Паткуль Александр Владимирович (1817—1877) — полковник, адъютант наследника.

¹² Эртель Людвиг Николаевич (1817—1880) — майор, петербургский брант-майор.

¹³ Имеется в виду лифляндский дворянин Иоганн Рейнгольд Паткуль (1660—1707), родившийся в Швеции, но перешедший на службу к Петру I; захваченный шведами, он был казнен как изменник; потомки Паткуля стали русскими подданными.

¹⁴ Набоков Иван Александрович (1787—1852) — генерал-адъютант, комендант Петропавловской крепости, председатель Следственной комиссии по делу петрашевцев.